

КОНТРАЗВЕДКА. РОМАНЫ О СЕКРЕТНОЙ ВОЙНЕ СССР

Валерий ШАРАПОВ

**ТОННЕЛЬ
БЕЗ СВЕТА**

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник — *Павел Магась*

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Тоннель без света / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Контрразведка. Романы о секретной войне СССР).

ISBN 978-5-04-181000-9

От советской резидентуры на Западе поступает сигнал об утечке данных из закрытого НИИ, ведущего разработки в области микробиологии и вирусологии. Группе майора КГБ Михаила Кольцова поручено выявить и обезвредить «крота». Оперативники убеждаются, что формально все инструкции по охране государственной тайны на предприятии соблюдаются. Тогда каким образом шпиону удастся передавать информацию? Наконец майор находит серьезную зацепку. Чтобы убедиться, что это и есть тот самый канал, Кольцов ставит на кон собственную жизнь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-181000-9

© Шарапов В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ПРОЛОГ

4 сентября 1981 г.

Мелодичный звонок вывел человека из оцепенения. Он оторвал взгляд от прохудившегося крана, из которого непрерывно капало, машинально глянул на часы. Звонок повторился. Он слез с табурета, вышел из кухни, совмещенной со столовой. На улице пекло, пестрели цветы, произрастающие в этой части света почти круглый год. До калитки в воротах было несколько шагов. Поколебавшись, он спустился с крыльца, проделал недолгий путь.

Мужчине было лет пятьдесят, он коротко стригся, носил мятые домашние брюки, полосатую рубашку навывпуск.

Воздух был свеж, несмотря на жару, но дышалось в этот день неважно. Он снова поколебался, но все же открыл калитку. За порогом зевал какой-то волосатик в форменной кепке и рабочем комбинезоне. С плеча свисала объемистая сумка. К кромке тротуара за спиной при-

шельца прижался подержанный минивэн с номерными знаками округа Джамбрия. При виде хозяина волосатик перестал зевать, лучезарно улыбнулся. Заблестели белоснежные зубы. Он был смугл, как и большинство итальянцев. Бриться, стричься и причесываться он явно не любил, хотя и представлял популярную коммерческую организацию. Верхнюю часть комбинезона украшала надпись, выполненная трафаретом: *Bianchezza*.

— Добрый день, синьор, — приподнял козырек кепки пришелец. — Это вы оставляли заявку по поводу неисправной сантехники?

— Надо же, вы так быстро, — пробормотал жилец, освобождая проход. Сдержать облегченный вздох не удалось.

— Да, синьор, мы стараемся угодить нашим клиентам и все делаем быстро и качественно, — поведал работник сантехнической фирмы, проходя во двор. — Такова политика нашего директора, мы ответственно подходим ко всем вопросам и непрерывно расширяем ассортимент услуг. У вас уютно, синьор, — похвалил мастер, оглядывая зеленый двор небольшого двухэтажного особняка.

— Спасибо, — буркнул хозяин, запирая калитку. — Проходите на кухню, там течет.

Насвистывая, специалист двинулся к крыльцу, взбежал по ступеням и вытер ноги о коврик. Ситуация пояснений не требовала: капли звонко разбивались об эмалированную поверхность ра-

ковины. Мастер снял с плеча сумку, поставил на пол. Он немного вкрадчиво приблизился к раковине, осмотрел поврежденное устройство, покачал головой. В карих глазах блеснул задорный огонек.

— Надеюсь, ничего неизлечимого? — проворчал хозяин. — Вы же справитесь?

— О, не сомневайтесь, синьор, именно для этого мы и существуем, — представитель фирмы устремил на хозяина насмешливый взгляд. — Вопрос позвольте, синьор? Хочу приобрести дом по соседству с вашим. Здесь такие живописные виды. Я слышал, ваши соседи уезжают в Лигурию? Непонятно — зачем, но они ведь продают свой дом?

Действительно, зачем из Тосканы переезжать в Лигурию? То же море, только в профиль.

Хозяин словно подавился, закашлялся. На пару мгновений он вдруг сделался беспомощным. Но взял себя в руки, выдохнул:

— Вот черт... Что же вы сразу не сказали?

— А сразу о таких вещах не говорят. Это неприлично, — пришелец продолжал светиться располагающей улыбкой, но смотрел уже придирчиво, цепко. — Здесь безопасно?

— Да, конечно, можете не сомневаться, в моем доме нет подслушивающих устройств, — хозяин усердно изображал спокойствие, но это ему плохо удавалось.

— Не надо волноваться, добрый человек, — специалист перешел на русский язык — явно

родной для него, невзирая на южную внешность. — Вы смотрите с таким испугом, словно я пришел вас убить. Это не так, успокойтесь. Куриц, несущих золотые яйца, как правило, не убивают — уж простите за грубость и цинизм. Зовите меня Робертом. Или Роберто — с учетом текущих географических координат. Не стойте истуканом, синьор. Идите к телефону и снимайте заказ. Скажите, что сами отрастили руки. Не хватало нам еще кого-то третьего.

— Но подождите... — с переходом на новую волну были большие проблемы, — кран ведь на самом деле протекает...

— Эх, Семен Семенович, — покачал головой гость, — или как вас там... Дмитрий Олегович. Что делает с людьми загнивающий Запад. На родине вы бы тоже стали вызывать сантехника из-за такой ерунды? Отключаете вот этим вентиляем центральную подачу воды, снимаете вот эту гайку, меняете прокладку на ту, которую я вам оставляю... Время идет, Дмитрий Олегович. Не отнимайте его у людей, занятых делом. И не тяните с починкой. По старинному русскому поверью, вместе с водой из дома утекают деньги.

Хозяин удалился в соседнюю комнату, снял трубку. Говорил приглушенно, но слова различались. «Мастер» слушал, одновременно изучал взглядом предметы обстановки. Жилец вернулся, стал нерешительно мяться.

— Все в порядке, Дмитрий Олегович? Итальянцы обрадовались, что не нужно ехать? Где мы можем поговорить?

— Пройдемте наверх, — хозяин показал на лестницу.

Наверху была терраса с видом на море. Три стены — закрытые, с четвертой стороны открывался восхитительный вид на море. Береговая линия начиналась метрах в трехстах. По небу плыли всклокоченные «барашки». На море властвовал штиль, вода переливалась всеми оттенками бирюзы, белел одинокий парус. В прибрежной зоне росли оливковые деревья, цветущие кустарники, акации. Разбежались аллеи, вымощенные желтой плиткой. Время неурочное — отдыхающих в парке не было.

На террасе стояли шезлонги, раскладной столик. В углу ютился застекленный холодильник.

— Присаживайтесь, Роберт. Выпьете?

— Воды, если не сложно. На работе, знаете ли.

— На какой? — проворчал хозяин, вынимая бутылку колы и стеклянные стаканы на ножках.

— Смелее, — хмыкнул визитер. — Правильно, к черту эту скованность.

Роберт открыл бутылку, проследил, как хозяин, вытянув руку, включает долговязый вентилятор на треноге. Пространство наполнилось утробным гудением.

Пару минут сохранялось молчание. Обстановка расслабляла, взывала к ничегонеделанию!

Мужчины тянули прохладную газировку. С правой стороны доносились неприличные звуки. Соседи занимались продолжением рода, никого при этом не стесняясь. Роберт вопросительно уставился на хозяина, тот смутился.

— Молодая пара, Лучано и Мирабель, недавно поженились — все никак успокоиться не могут. Девица постоянно ходит голой — мало того что по дому, так еще и по двору.

— Нечего надеть? — оживился Роберт. — Бывает, коллега, сексуальная революция еще не отгремела. Один живете?

— Да приходит одна... — Дмитрий Олегович не стал смущаться, — хорошая женщина из соседнего квартала. Лаурой зовут, она вдова, познакомились в магазине несколько недель назад.

— Надеюсь, она не из тех, кто развешивает по дому подслушивающие устройства?

— Точно не из тех, — Дмитрий Олегович решительно покачал головой. — Можете поверить, я разбираюсь в людях. На эту террасу она точно не поднималась. Дальше кухни и спальни мы не уходим...

— А вы шалун, Дмитрий Олегович, — похвалил Роберт. — Есть еще порох... Впрочем, какие ваши годы.

Он залпом осушил стакан, поставил на стол. Соседи справа утолили плотский голод, теперь ругались. Слова различались плохо. Слева завелась газонокосилка — мотор работал неровно, с перестуком. Дмитрий Олегович поморщился.

— Бывший священник. Не курит, не пьет, женщин не водит — боится согрешить.

— Нам бы его проблемы, верно? — засмеялся Роберт. — Так в чем же дело, любезный? Время идет, я не могу часами ковыряться в вашем кране. Это вы попросили о встрече — не мы. А теперь бледнеете, словно я уже глушитель на ствол наворачиваю. Есть полезная информация?

— Мне кажется, за мной следят... — мужчина стиснул подлокотники шезлонга. Посерела обвисшая кожа на подбородке. — Это длится уже не меньше недели... Сначала я грешил на паранойю, убеждал себя, что это только кажется... Но вчера мужчина в кафе смотрел мне в спину — я видел его в зеркале... Затем на выезде со стоянки засек двоих в штатском — они пялились мне вслед, а потом один из них достал что-то похожее на рацию... Я постоянно на нервах. Настроения, сами понимаете, никакого...

— Сочувствую, Дмитрий Олегович, тоска в вашей Тоскане, — хмыкнул Роберт. — Зато тепло, жизнь размеренная — вы же этого хотели после завершения основной, так сказать, фазы вашей профессиональной деятельности? Опять же Средиземное море в зоне пешей доступности.

— Лигурийское, — машинально поправил «отставной» шпион.

— Не вижу разницы. Лигурийское, Ионическое, Тирренское, Адриатическое... Одна большая лужа под названием Средиземное море.

— Послушайте, я серьезно, — вспыхнул мужчина. — В конце концов, в данный момент я работаю именно на вас.

Ему не казалось. То, что за «клиентом» следят, Роберт почувствовал еще на подъезде к дому. Атмосфера — так себе. В переулке стояла машина с номерными знаками полицейского департамента. У парней из Службы военной информации и безопасности — ни ума, ни фантазии. Могли бы гражданские номера повесить — кто им запретит? В машине находился только водитель. Час сиесты, а он не спал — тоже подозрительное явление. По аллее вдоль дома прохаживался характерный тип, на работника сантехнической фирмы внимания не обратил. Подобную публику — дворников, сантехников, официантов — здесь не замечают. Похоже, трудности Дмитрия Олеговича переставали быть временными. Все шло к логическому завершению. Жалко ли его? Пока непонятно. Впрочем, в плане потери источника информации — конечно, жалко...

— Комитет за вами не следит, в этом нет смысла. Да и не настолько мы всемогущие.

— Догадываюсь... Я могу попросить защиты у вашей организации? — двойной агент облизнул пересохшие губы.

— Попросить можете, Дмитрий Олегович... — Роберт задумался. — Но вы не по этой причине просили о встрече, так ведь? У вас имеется что-то важное — уверен, это не ложная ин-

формация. Вы способны отличить фальшивку от достоверных сведений. Итак, я вас слушаю. А потом мы подумаем, сможем ли для вас что-то сделать. Если информация достойная, то, по крайней мере, попытаемся — вы в курсе наших возможностей в данном регионе. Устраивает ответ? Итак, вы запросили встречу — мы здесь.

С губ уже слетала шутка про 38 фикусов на окне, но Роберт ее проглотил. Он украдкой наблюдал за собеседником. Миром правит информация, и Дмитрий Олегович это прекрасно понимал. Ради информации совершались убийства, выбрасывались крупные денежные суммы; предатели, заслужившие пулю в затылок, оставались на свободе и жили припеваючи — всего лишь во имя этой проклятой информации.

Десять лет назад Дмитрий Олегович Ветринский числился в штате заместителя министра торговли СССР, занимался внешними сношениями. В составе делегации посетил Францию, где познакомился с неким Жаком Шулье — директором фирмы, производящей электронику, а заодно тайным сотрудником французской контрразведки DST. Возможно, Ветринский и не был инициатором знакомства, это уже не важно. Вербовали французы с тем же изяществом, с каким пили вино и кадрили женщин. Но в случае с Ветринским произошла заминка. По пьяному делу Дмитрий Олегович сбил человека, страшно испугался. Разбирательств в посольстве не хотелось, обратился за помощью

к новому знакомому. Инцидент, возможно, подстроили. Шулье помог своему приятелю, полиция замяла дело. Увы, командировка закончилась, Ветринский вернулся в Союз, и вербовка толком не состоялась.

Через несколько лет Шулье по «делам фирмы» прибыл в СССР и сразу поспешил к своему подзабытому другу. Ветринский к тому времени работал в Управлении «Т» 1-го Главного управления КГБ и отнюдь не обрадовался появлению дружка из прошлого. Шулье напомнил, что Ветринскому есть что скрывать. Грешок был незначительный, тюрьмой (тем более в СССР) не грозил, но Дмитрий Олегович согласился сотрудничать.

По долгу службы он занимался анализом научно-технической информации, поступающей из-за рубежа. За три года, прежде чем его взяли, агент с псевдонимом «Прощальный» передал на Запад сотни секретных документов; по его вине провалились десятки офицеров, выполняющих свой долг за рубежом. Большинство из них числились дипломатами и отделались высылкой. Но ущерб был ощутим.

Ветринский также сдавал разведчиков, занимавшихся сбором технической информации. Судить и воздавать по заслугам не стали — перевербовали (в качестве аргументов использовались члены семьи). Какое-то время он работал на Комитет в Союзе, сливая данные, которые ему предоставляли. Потом разработали краси-

вую операцию: снабдили «архиважными» материалами, имея на руках которые, Ветринский потребовал у западных кураторов вывезти его за рубеж. Кураторы клянули и разработали план эвакуации своего «крота». Для убедительности чекисты затеяли погоню, но на финской границе вдруг ослепли, оглохли и поглупели. Перебежчик просочился сквозь пальцы.

Какое-то время двойной агент был нарасхват, даже оказался в штате британской МИ-6. Впрочем, синекура не затянулась. Ветринский переехал в Марсель, оттуда — в городок Беруджио в Тоскане (не путать с Перуджей в Умбрии), где в качестве благодарности за труды получил домик у моря. Периодически к нему обращались специалисты из французского DST — Управления территориального наблюдения и внутренней разведки; из итальянской SISMI — Службы военной информации и безопасности. Границы сотрудничества Ветринскому обрисовывал Комитет, иногда он же подбрасывал документы — липовые или утратившие секретность. Он добывал полезную информацию у своих хозяев и переправлял ее в Москву. Выборочные проверки доказывали, что сведения не ложные. А многие из них — реально важные.

Ветринский по-прежнему имел вес и связи. Псевдоним его отныне был другим — «Листопад». Но долго веревочка виться не могла — умные люди это понимали. Рано или поздно запад-

ные кураторы должны были начать что-то подозревать. И, похоже, это случилось...

— Информация получена от представителей итальянской и французской спецслужб, — поджав губы, сообщил Ветринский, — Они ссылаются на британскую МИ-6. Информация достоверная, я ее проверил и перепроверил. На вашем предприятии «Оникс» в уральской Кыжме, где производят биологическое оружие, серьезная утечка.

— В Советском Союзе не производят биологическое оружие, — Роберт подавил зевету, прикрыв ладонью рот.

— Перестаньте, — поморщился Ветринский. — Вы еще скажите, что СССР подписал конвенцию 72-го года о запрете производства биологического оружия.

— Подписал, — согласился Роберт.

— А толку? Все подписали. Но это не мешает заниматься дальнейшими разработками всем противоборствующим сторонам. Советский Союз это делает, потому что США не унимаются, Запад — чтобы не отстать от СССР. И хрен это остановишь, пока у всех сторон не появится желание. Производят так, словно все земное население извести собрались. Запасы биоагентов уже складировать негде. Оспа, тиф, геморрагические лихорадки, всевозможные токсины, вирусы, возбудители инфекций. Успокоиться не могут, постоянно выдумывают что-то новое — фундаментальные исследования, прикладные... И все под

видом гражданских биотехнологических исследований. Что есть, то есть, Роберт. Но я не об этом. Повторяю, у вас серьезная утечка в Кыжме. «Оникс» — лаборатория эпидемиологии и гигиены, филиал Всесоюзного научно-производственного объединения «Биопрепарат». Объект значимый, спрятали его основательно, в Уральские горы. Но шпионы уже там, поверьте моему слову. Казалось бы, не повод для паники, весь Союз наводнен агентами западных разведок, но «Оникс» стоит особняком. Там серьезная научная и производственная база, и слово «лаборатория» не должно никого сбивать с толку. Именно там теоретические изыскания находят практическое воплощение. Именно оттуда выходит продукция двойного назначения. Проще говоря, на «Ониксе» создают боевые вирусы — и аналога данного производства в мире нет. В Кыжму стекаются все разработки — там их доводят до ума, шлифуют. Материалы, продукция — под грифом «совершенно секретно». Рискну заявить, что именно там — сердце советской микробиологической промышленности. А теперь представьте, что с объекта больше года утекает секретная информация. Я бы сказал, ключевая информация, квинтэссенция всего научно-производственного процесса. Это делает бессмысленным труд, в который вложено столько усилий и средств. Бесценные разработки, все, что придумали умные головы, просто присваивается хитроумными шпионами!

— Вы не склонны к излишнему драматизму, Дмитрий Олегович? В принципе понимаю ваше стремление сгустить краски — вам ведь нужна защита.

— Нужна, — признался Ветринский. — И поэтому дарю вам «бомбу». Это не сгущение красок, это катастрофа. Допускаю, вы не в теме. Поговорите со знающими людьми — они поймут. Пока еще можно что-то предпринять, но я уверен, недалек тот день, когда все достижения в области вирусологии полетят на свалку. Нивелируется работа целой отрасли... Оставьте свой скепсис, Роберт, — рассердился Ветринский, — просто передайте информацию вашим властям. «Разбудите» бойцов Управления «Т», сидящих за рубежом, — уверен, уже есть разработки, заимствованные у ваших умельцев...

— Ну, хорошо, — допустил Роберт, — вы ручаетесь за достоверность информации...

— Я верю своим источникам. У вас большие проблемы. Я прошу защиты, неужели я стал бы подбрасывать вам «липу»? Вы передадите руководству мою просьбу?

— Да, несомненно... — Роберт явно думал о другом. — Есть подробности, Дмитрий Олегович? Кыжма — небольшой городок к северу от крупного областного центра — километрах в пятнадцати-двадцати. Помимо «Оникса» там функционируют другие закрытые предприятия. Иностранцев в Кыжму не пускают. Но областной центр — миллионный город, в нем действует

британское консульство. По модулю — рассадник шпионов, и далеко не все они — британцы. Мы имеем дело с «кротом» внутри предприятия, со шпионской группой или в дело вовлечены только работники консульства?

— Не знаю, простите, — Ветринский скорбно поджал губы, — Надо выяснять, проводить расследование. Безусловно, это шпионская группа, но подробности мне неизвестны. Канал утечки устойчивый, действует длительное время. Думаю, это что-то нестандартное, не без фантазии... Итак, мы заключаем негласный договор, Роберт? — Ветринский подался вперед, он сильно волновался. — Поверьте, я вам делаю роскошный подарок. В «конторе» есть талантливые люди, способные провести расследование... Я готов на переезд, готов отправиться куда угодно, даже в Советский Союз. Согласен отсидеть, если понадобится...

— Перестаньте, — Роберт поморщился. — Сами себя слышите? Хорошо, Дмитрий Олегович, если информация подтвердится, мы рассмотрим вашу просьбу. Продержитесь несколько дней? — в глазах советского разведчика зажегся ироничный огонек.

— Можно подумать, я имею выбор. Все сказанное — чистая правда, не тратьте время на проверку информации. Это в моих интересах — говорить правду и только правду.

— Я вас понял, Дмитрий Олегович, — Роберт поднялся. — Хорошо у вас, но есть места и по-

лучше. Уверен, ничего ужасного с вами не случится. У страха глаза велики.

Он хотел добавить кое-что обидное (но справедливое), но передумал. Ветринский тоже поднялся. Внизу прозвенел звонок. Дмитрий Олегович непроизвольно дернулся. Роберт поморщился:

— Ждете кого-то?

— Вроде нет... — хозяин дома неуверенно повел плечами. — В фирму я позвонил, заказ отменил... Вот черт! — он хлопнул себя по лбу и облегченно выдохнул: — Это Лаура, она всегда приходит, когда ее не просят... — Ветринский вопросительно уставился на посетителя, словно спрашивал разрешения. Звонок повторился, за ним еще два — короткие, нетерпеливые.

— Открывайте, Дмитрий Олегович, не по-джентльменски это — заставлять девушку ждать. Задержите вашу гостью во дворе хотя бы на пару минут.

Ветринский заспешил вниз. Это действительно был «амурный» визит. От калитки доносились женский щебет, беглая речь. По истечении двух минут Ветринский и его гостья пересекли двор и вошли в дом. Дама увлеченно повествовала о новом меню ресторана «Палацио». Надо его непременно навестить и провести инспекцию блюд! В глазах Ветринского мелькнуло удивление. На кухне кипела работа. На полу валялась разобранная сумка мастерового человека, поскрипывал гаечный ключ.

Из-под раковины торчал зад, обтянутый брезентовыми штанами.

Женщина удивленно замолчала. Зад сменился испачканной физиономией, которая расцвела при виде местной красотки. Сантехник поднялся, вытер руки ветошью.

— О, синьора, мое почтение... — он не отказал себе в удовольствии пробежать глазами по ее аппетитным изгибам, потом вспомнил про работу: — Порядок, синьор, кран работает как новый, — для убедительности он пустил воду на полную мощность, затем перекрыл подачу. Ничего не капало.

Сантехник удовлетворенно кивнул. Женщина с интересом его разглядывала. Она была не девочкой (мягко говоря), но фигуру сохранила безупречную, что позволяло носить короткие юбки и обувь на высоком каблуке. Нос был несколько великоват, но все остальное нареканий не вызывало. Волнистые темные волосы струились по плечам. Она помахивала белоснежным ридикулем.

— Хорошо, спасибо, — с важностью кивнул Ветринский. — Я провожу вас до калитки, там и рассчитаемся. Дорогая, дождись меня.

Представлять свою гостью сантехнику Ветринский, разумеется, не стал. Но Лаура поглядывала на рабочего с интересом. Мужчина был строен, сравнительно молод, сверкал обаятельной улыбкой.

Хозяин проводил «сантехника» до калитки, проворчал:

— Спасибо за кран, ловко у вас получилось, надеюсь, без брака...

— Не сомневайтесь, Дмитрий Олегович, фирма веников не вяжет. А если вяжет, то только фирменные, — Роберт засмеялся, но глаза его уже были серьезными. — Вы взбодрились, коллега. Уже не так все и плохо? Проказник вы, синьор, — Роберт артистично поцокал языком, — аппетитную сеньориту отхватили. Такая скрасит тоскливые шпионские будни.

— Сами, можно подумать, безгрешны, — проворчал Ветринский.

— Отчего же — грешим, — простодушно сообщил Роберт, принимая вознаграждение в виде нескольких купюр. — Но мы и покаяться можем, Дмитрий Олегович. Помню о вашей просьбе, не повторяйте. Удачно провести время. Но не переусердствуйте, — не удержался он от «дружеского» наставления. — Вы уже не мальчик, воздержитесь от всего неестественного. Помните, неумные игры ведут к травмам и переломам. Чао, бамбина. — Роберт миновал калитку и захлопнул дверь с обратной стороны. Клацнул засов.

Напряжение удавалось скрывать за шутками и смехом. Роберт оставался в образе, пружинящей походкой он направился к фургону, откатил дверь, забросил внутрь сумку с инструментами. Обогнул капот, забрался на водительское сиде-

ные. Фургон был не новый, завелся со второй попытки и покатил вдоль тихой улочки, заросшей субтропической растительностью.

От внимания водителя не укрылось, как на другой стороне дороги пришел в движение салатового цвета седан с эмблемой «Фиата» на капоте, пристроился следом. Роберт чертыхнулся — прилипла-таки зараза. Избавляться от таких — как отлеплять приставшую к одежде жевательную резинку...

Он сбавил скорость, надеясь, что «Фиат» проскочит мимо него. Но тот и не думал, водитель тоже притормозил. В салоне сидели двое. Машина — копия советских «Жигулей ВАЗ-2103». Хотя, по совести, наоборот — советские «Жигули» создавали по образу и подобию итальянского «Фиата». Копировалось все — от технических характеристик до деталей интерьера и экстерьера. В первые модели даже печки не ставили — видимо, забыли про российские морозы...

«Фиат» не отставал, держался на удалении, и это создавало неудобства.

— Сочувствую, Дмитрий Олегович, за вас, похоже, плотно взялись... — пробормотал Роберт. — Суровы будни двойного агента, даже не знаю, чем вам помочь. Но спасибо, что поделились опасениями...

Он свернул влево, в переулок — заранее включил сигнал поворота. В примыкающем пространстве с трудом разъезжались две машины,

и дома здесь были не для самых обеспеченных жителей Беруджио. Водитель «Фиата» решил не нагнать, выждал и только потом повернул. Дистанция увеличилась, но это не повод уходить в отрыв.

Фургон катил своей дорогой, из выхлопной трубы постреливал дымок. Снова поворот, сравнительно широкая улица, и фургон выехал на небольшую площадь, застроенную старыми зданиями. У вытянутого строения с арочной галереей стояли припаркованные машины. В левом крыле работал магазин самообслуживания (за рубежом их называли «супермаркеты»), справа висела вывеска *Bianchezza* — именно то, что значилось на комбинезоне Роберта. «Белизна» — по-русски. До провала оставалось совсем немного...

Роберт сделал полукруг, пристроил фургон рядом с бежевым «Ситроеном» — за рулем сидел усатый малый и кого-то ждал. «Абориген» равнодушно покосился на вставший рядом минивэн и зевнул. Выходя из машины, Роберт отметил: «Фиат» тоже въехал на кольцо и встал на противоположной стороне.

Насвистывая, Роберт извлек из салона сумку, повесил ее на плечо и небрежной походкой направился в здание. Растворился в темной нише галереи, обернулся. «Фиат» стоял на месте. Из машины никто не выходил. Хоть к святым зывай: Санта Лючия, Санта Моника и прочие

Санты... Пришлось зайти внутрь — выбора не оставалось.

За стойкой сидела дама средних лет и, ничего не стесняясь, разглядывала глянцевого журнала. Подняла глаза, удивилась:

— Вы наш новый сотрудник? Я вас впервые вижу. Синьор Конти ничего такого не говорил.

— Новый, — Роберт ослепительно улыбнулся, — Пьетро Паззолини, к вашим услугам, синьора. Дружище Конти просто забыл вас оповестить.

Отворилась дверь в дальнем конце помещения, высунулась удивленная физиономия.

— Вообще-то — синьорина, — дама приосанилась, смерила работника заинтересованным взглядом.

— Отлично, — пробормотал Роберт, подходя к окну. За колоннами виднелся фрагмент площади, приткнувшийся к тротуару салатный «Фиат». Из салона никто не вышел. Машина не уезжала. Раздражение росло.

— А вот и первый заказ, Пьетро, — вкрадчиво сказала «синьорина». — Улица Калабри, четвертый дом. Непроходимость канала, подведенного к унитазу. Клиент жалуется на невозможность смыть отходы жизнедеятельности. Они поднимаются и стоят у самой кромки...

— О, это мой профиль, синьорина, — живо откликнулся Роберт и тихо добавил: — Кому, как не мне, разгрести все это дерьмо...

«Фиат» неохотно оторвался от бордюра, выехал на кольцо и пропал в слепой зоне. Через несколько секунд легковушка проследовала мимо и скрылась в переулке. Роберт облегченно вздохнул и направился к двери.

— Подождите, Пьетро, вы должны распписаться в заказе, — встрепелась дама за стойкой.

— Минуточку, синьорина, я кое-что заберу из фургона... — Не оборачиваясь, Роберт выскользнул за дверь и припустил к машине...

Без одежды Лаура была еще привлекательнее. Она следила за собой, пользовалась кремами и услугами массажиста. Смуглая кожа матово поблескивала, никаких провисаний, «апельсиновой кожуры». Дефекты имелись только на лице, но и там их еще надо было поискать.

Женщина откинула одеяло, повернулась на бок. Партнер не шевелился. Он лежал на спине лицом вверх, казался спокойным и расслабленным. Глаза его были закрыты. Лаура села на колени, склонилась над мужчиной. Дмитрий Олегович казался спящим. Но дыхание отсутствовало. В лицевых мышцах, если присмотреться, застыла судорога, а на шее осталось крохотное пятнышко — след от укола.

Женщина приподняла ему веко, проверила пульс. Сомнений не было, но убедиться следовало.

— Бай-бай, мой сладкий, — прошептала Лаура и потрепала мужчину за щеку. — Тебе же

ТОННЕЛЬ БЕЗ СВЕТА

было хорошо, перед тем как... ну, ты понимаешь? — она изогнулась, сунула использованный шприц в раскрытый белоснежный ридикюль, стоящий под кроватью.

Все указывало на то, что человек скончался от внезапной остановки сердца. Почему он при этом голый, в кровати, и что за женщину видели соседи — значения не имело. Лаура укрыла партнера одеялом, стала одеваться, мурлыча под нос легкомысленную эстрадную песенку. Совмещение приятного с полезным ее, похоже, не смутило.

Лаура натянула белье, короткое облегающее платье, сунула ноги в изящные туфельки на шпильках. Покрасовалась перед зеркалом, осмотрела себя спереди, сбоку и даже сзади — для чего пришлось поработать шеей. Насупилась, подошла вплотную к зеркалу, оттянула пальцем кожу на веке. «О, Дьябло!» — один из тех малозаметных дефектов, которым только дай волю.

Каблучки простучали по лестнице; напевая песенку и помахивая сумочкой, красотка выбежала во двор. День еще не кончился. Солнце палило, как на экваторе. Впрочем, сущий пустяк для закаленных зноем местных жителей...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

24 сентября, 1981 г.

Погода испортилась. За окном протяжно выл ветер, гнал на юг рваные тучи. Пора повального листопада еще не наступила, но листья уже падали, желтели на дорожках и газонах. Еще вчера светило солнце, жарило, как где-нибудь в Италии, а сегодня температура упала на десять градусов, стало неуютно, и синоптикам совершенно нечем было порадовать население.

— Товарищ майор, при всем уважении, но вы не правы, — бубнил сидящий напротив мужчина с серым одутловатым лицом. — Сами видите, как строго в нашем учреждении соблюдается режим секретности. Эти подозрения просто смешны. Да, у нас не только производственная база, но и большой научный коллектив, люди разные, каждому в душу не залезешь. Но то, что вы говорите, невозможно ни физически, ни технически. Какие есть основания утверждать, что

в лаборатории действует шпионская организация?

Начальник отдела безопасности был расстроен и обескуражен. Он не грубил, но был на грани. Документы и полномочия командированных из столицы сотрудников его не впечатляли. Насмотрелся подобных корочек и полномочий. Сам из таких. «Офицер действующего резерва» — как и опрошенный вчера начальник Первого отдела. То есть фактически никто.

— Во-первых, товарищ Кобылин, — вкрадчиво сказал Кольцов, — спешу напомнить, что никаких «майоров» здесь нет, как и представителей Комитета госбезопасности. Есть группа товарищей из вышестоящего «Биопрепарата», прибывшая с ведомственной проверкой. Постарайтесь придерживаться этой легенды, даже если мы одни. Во-вторых, никто не утверждает, что в лаборатории «Оникс» действует шпионская сеть. Речь пока идет об утечке сведений. Источник информации заслуживает доверия. Вас никто не обвиняет, просим лишь ознакомить нас с работой вашего отдела и убедить в защищенности предприятия. Ближе к сути, договорились, Николай Федорович?

Кобылин продолжал выражать протест. Усиливалась неприязнь к этому типу, росло раздражение. Это было непродуктивно, шло во вред делу, но Михаил ничего не мог поделать. За маской спокойствия скрывалось растущее недовольство. Кобылин был не виноват, работал по

инструкциям и даже проявлял служебное рвение. Старая закалка, не очень умный, но добросовестный исполнитель. Таким невдомек, что шпионы тоже знакомы с их инструкциями и действуют в ином поле, куда не простирается фантазия хранителей государственных секретов. Одутловатость не являлась признаком алкоголизма — скорее, нездоровых почек и прочего ливера. Пьющих на таких должностях не держат.

Второй день сотрудники «Подразделения X» работали в «Ониксе». Изначально информация пришла из Италии, впоследствии ее подтвердила лондонская резидентура: из «Оникса» идет утечка. Причем обильно, стабильно и давно — данные о препаратах двойного назначения (и не только) уже используют за рубежом. Секреты страны перестали быть секретами.

Меньше всего майору Кольцову хотелось знать, чем занимается лаборатория. Сон пропадет, волосы будут дыбом вставать. Естественная реакция любого человека: держаться подальше от вирусов, инфекций, всевозможных токсинов. И поди пойми, что движет людьми, выбравшими возню с этими патогенами своей профессией.

Фундаментальные исследования в области биологии начались еще до войны. В конце 40-х — начале 50-х как грибы после дождя выросли институты вирусологии, санитарные институты, НИИ эпидемиологии и гигиены. Фактически — исследовательские центры по биологическому оружию. Запускались программы по

токсинам, изучали вирус оспы, геморрагические лихорадки. Создавалась секретная сеть институтов биологической направленности при Минсельхозе СССР.

Сотрудники вирусологических центров работали в контакте с военными вирусологами — изучали патогены животных (например, ящур), экзотические зоонозные инфекции. В 72-м году Советский Союз подписал Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического оружия и об их уничтожении. Конвенция вступила в силу только в 75-м году.

Отдельные проекты действительно закрывались, в другие, наоборот, — вдохнули жизнь. ЦК КПСС издал закрытое постановление об усилении научно-исследовательской работы в области микробиологии и вирусологии. Для фармацевтических предприятий создавались секретные установки двойного назначения по производству бактериологического оружия. Строились новые заводы, лаборатории, исследовательские центры — как правило, подальше от крупных городов, чтобы не привлекать внимания иностранцев. Одновременно расширялись программы биологических исследований.

Разработкой и производством занималось НПО «Биопрепарат», предприятия объединения были разбросаны по всей стране. Работы велись совместно с министерствами обороны, сельского хозяйства, здравоохранения. Участвовали

Академия наук СССР, КГБ, другие влиятельные и уважаемые организации. Статистика по числу работающих была закрыта, но по оценке западных специалистов, разработкой биооружия в СССР занималось больше 30 тысяч человек — и это только с вузовскими дипломами...

Начальника отдела безопасности сменил его зам — товарищ подкованный. Он разложил план-схему лаборатории, стал объяснять, как осуществляется проход сотрудников на рабочие места и почему они не могут ничего вынести с работы. Звучало убедительно.

На Лубянке перед отъездом им прочли краткую лекцию, почему без острой необходимости не стоит соваться в помещения, где работают с веществами. На предприятии разработаны варианты чумы крупного рогатого скота — оружия против коров (разумеется, неприятельских); то же самое против свиней — африканскую чуму свиней, а также пситтакоз для уничтожения кур. Где хранятся биоагенты, лучше не знать, но они подготовлены для распыления самолетами на вражеские поля (на дальности сотен километров). Секретная программа, по которой все это благолепие производится, носит ехидное название «Экология». Зачем это нужно, Кольцов старался не думать. Но ясно, что оружие оборонительное и никто не станет применять его первым.

Дорога была недолгой. Полтора часа на самолете до уральского областного центра, затем

от УКГБ довели на машинах. Семнадцать километров по сравнительно асфальтированной дороге. Раздолье для шпионов. Концентрация закрытых предприятий на единицу площади впечатляла. Шлагбаумы, посты ГАИ с дотошными проверками.

«В районе несколько предприятий министерства среднего машиностроения, химзавод, закрытый объект КГБ, — объяснили товарищи в области. — С дороги лучше не съезжать, ориентироваться по указателям».

Местность живописная — поля, перелески. И в каком бы квадрате ты ни находился, всюду ощущалось присутствие гор. Они висели над долинами как дамклов меч — внушительные, острозубые, то голые, то покрытые лесами. Попадались мелкие речушки, однажды показалось, что дорога сворачивает в горы, гряда закрыла весь обзор; потом вдруг резко отвернули, стали отдаляться.

Городок Кыжма прилепился к скалистому кряжу, распростерся среди предгорий. Еще одна закрытая зона, которых в СССР множество. Въезд для местных жителей — только по пропускам, машины проверяли — не везут ли граждане что-то запрещенное.

В Кыжме было тысяч двенадцать населения. Южные пригороды — частный сектор, затем дома подрастали, в центре стояли добротные пятиэтажки для научных работников, несколько зданий переменной этажности — тем,

кто их проектировал, пришлось избавиться от типового мышления. Много зелени, скверы, озеро причудливой конфигурации с местами для отдыха трудящихся, пара ресторанов, клуб, даже небольшой кинотеатр в глубине опрятного сквера.

Местечко было сносное, лучше, чем ожидалось. Над горкомом трепетал флаг Союза ССР, имелись горсовет, отделение милиции.

Секретная лаборатория «Оникс» находилась на северной окраине за решетчатой оградой. Основное здание — невыразительное, с четырьмя этажами. За ним находился лабораторный корпус в виде неправильного куба, пара строений поменьше. Корпуса связывали закрытые переходы. Учреждение окружал внушительный парк с лавочками и аллеями. В парке произрастали лиственницы, липы, вездесущие тополя — унылые на вид, но хорошо поглощающие разную заразу. Внешне — ничего зловещего, лаборатория напоминала рядовое советское учреждение.

К западу от города простирались поля с перелесками, далее сгущались леса. До соседнего населенного пункта было несколько верст, там действовали собственные правила безопасности. Горы находились на востоке, буквально рядом. Сквозь прорехи в листве виднелись серые мегалиты, отвесная стена местной достопримечательности — горы Кровавой.

Искать иголку в стоге сена можно было месяцами. В командировку отправили срочно, под-

готовиться не успели. «Разберетесь на месте, — сообщило начальство. — В специфику работы учреждения лучше не вникать, от этих знаний прозрение не наступит. Меньше знаешь — лучше спишь».

Возникало серьезное опасение, что группа здесь надолго. Пропуска получили, сотрудники имели право беспрепятственно перемещаться по учреждению.

«Умеют же давать названия, — ворчал под нос Алексей Швец. — Оникс — разновидность кварца, красивый камешек. Какая связь?» — «Да хоть гладиолусом назови, — фыркал Вадик Москвин, самый молодой член группы. — Хоть «Секретоборонзаказом» — что изменится?»

О том, кто они в реальности, знали лишь несколько человек — директор Каширин с заместителем Арепьевым, начальник Первого отдела Соловейчик и глава отдела безопасности Кобылин. Остальным было безразлично — кто эти люди и почему они путаются под ногами.

Приезжие внимательно изучали схему зданий, расположение отделов и секций. С коллективом не знакомились, держались от людей подальше — возникали серьезные сомнения, стоит ли это делать в дальнейшем. Структура рабочего процесса была многоступенчатой, без бутылки, как в сердцах выразился Вишневский, не разобратся. По зданию подчиненные Кольцова ходили в медицинских масках, как и большинство сотрудников.

В первый день Михаил провел беседу с начальником Первого отдела Соловейчиком. Работник оказался толковый, дело знал. Режим соблюдался, и не только на словах. Инструкции были жесткие, каждый сотрудник знал их наизусть. Любое отступление от правил грозило увольнением, разбирательством в КГБ и в лучшем случае «волчьим билетом».

За свои места народ держался. Зарплата в «Ониксе» была на 30 процентов выше, чем в среднем по стране, сотрудники пользовались льготами — скидками на оплату ЖКХ, ежегодным бесплатным проездом к месту отдыха, получали продуктовые наборы. Путевки в санатории, детский сад без очереди. Премии — каждый квартал, плюс 13-я зарплата в конце года. Магазины не пустовали. Квартиры в домах имели улучшенную планировку.

В городке имелось все для нормальной жизни. Областной центр — под боком, живи и радуйся, делай карьеру, рожай и расти детей. В некоторых отделах люди ходили в своей одежде, но в обязательном порядке надевали белые халаты. С опасными веществами там не контактировали.

В лабораторном корпусе все было иначе. Отделаться маской было невозможно. Защитные костюмы были поизящнее армейских ОЗК, но тоже производили впечатление. Работники проходили сквозь систему шлюзов, оставляли в специальных ячейках свою одежду, облачались

в «казенное». По окончании рабочего дня проделывали процедуру в обратном порядке. Что-то вынести из рабочих помещений было в принципе невозможно.

«Считайте, передовая, Михаил Андреевич, — ухмылялся зам Арепьев — вполне компетентный для своих тридцати пяти лет руководитель. — Эти люди ежедневно имеют дело с возбудителями опасных болезней. Любое неловкое движение и — сами понимаете. Если хотите, могу устроить экскурсию, но для этого вам придется пройти особый инструктаж».

Нужда отсутствовала — и вовсе не потому, что майор боялся «передовой». Он отклонил заманчивое предложение, пообещав вернуться к нему позднее.

Итоги первого дня работы навевали уныние. Деятельность «Оникса» была построена таким образом, что далеко не всегда сотрудники знали, чем занимаются «смежники». Утечка информации осуществлялась именно из закрытых лабораторий, где проводились тесты и эксперименты по выделению штаммов и прочих патогенов.

Характер информации позволял предположить, что действует не случайный человек, способный получить лишь обрывки из сведений, а именно специалист, имеющий доступ ко всему и разбирающийся в теме.

Руководство «Оникса» исключалось — по крайней мере, в качестве основного передаточного звена. Работали именно спецы. Но как они

это делали? Въехать в Кыжму без пропуска невозможно, хотя когда это останавливало шпионов? Передача сведений могла осуществляться где угодно — в том же областном центре. Постороннему в учреждение не проникнуть. Даже если и проникнет — что дальше? Результаты экспериментов — в сейфах, причем в разных. Допуск к одному хранилищу без допуска к другому не имеет смысла. Первый отдел свою работу делал. Дырки в периметре отсутствовали. Отдел безопасности тоже не зря ел хлеб. Весь городок, особенно жилые кварталы, находился под негласным наблюдением — надзор осуществлял областной комитет.

Итоги второго дня также оставляли желать лучшего. Но в головах отпечатались схемы, приоткрывались завесы секретов. Принцип построения работы уже не являлся тайной за семью печатями. Но белых пятен оставалось много.

К окончанию дня оперативники собрались в беседке недалеко от проходной, курили, меланхолично наблюдали, как сотрудники покидают учреждение. На проходной находился пункт досмотра, и, если у охраны возникали вопросы, работника проверяли.

Люди спешили по домам, оживленно переговаривались, кто-то смеялся. У проходной скопилось очередь — охрана работала неспешно. Усилился ветер, заморосил дождь. По аллеям летели желтые листья, скапливались под кустарниками. Люди в очереди не роптали, раскрывали зонты.

Очередь медленно продвигалась. Вышедшие за пределы разбегались в разные стороны. Общественный транспорт в городке работал («В зародыше», — пошутил Арепьев, когда описывал ситуацию в Кыжме), но смысла в нем не было — все городские объекты находились в зоне пешей доступности.

— Вспомните Н-ск, товарищ майор, — нарушил молчание Вадик Москвин. Он был единственным некурящим в группе, отчего ему постоянно приходилось заниматься «пассивным» курением. — Там мы тоже не могли взять в толк, как преступники проносят аппаратуру в здание, пока не выяснили, что их сообщником является вахтер...

— Кабы все так просто, — поморщился Михаил. — В «Ониксе» многоуровневая система охраны. Завербовали бы кого-то одного, но всю команду... Выяснили что-нибудь, товарищи офицеры?

— Глухо, как в танке, товарищ майор, — вздохнул Алексей Швец — всегда невозмутимый, с незапоминающимся лицом. — Целостность периметра не нарушена, повсюду датчики. За каждый участок отвечает отдельная группа. Не хватает только овчарок и сторожевых вышек... Инцидентов с проникновением на закрытую территорию не было давно. Последний случай отмечался четыре года назад — компания молодежи подпила и не в те ворота зашла. Потом кусали локти — их неделю прове-

ряли и держали взаперти. Ничего особенного, не шпионы... Склоки, подсиживания, выживание неугодных — обратная сторона, так сказать, социалистического соревнования — это есть. Без этого никак. Недавно молодого сотрудника уволили — имел наглость оспаривать выводы заслуженных мэтров. Молодую девчонку с позором выставили — вскрылась порочная связь с женатым завлабом Онищенко. Все бы ничего, дело житейское, но шум подняла супруга Онищенко, дошла до парткома, и выводы последовали. Онищенко при этом продолжает работать и даже готовится пойти на повышение. Юная особа непричастна к нашим делам — переехала в другой город, и вообще эта история происходила два года назад.

— Все как у людей, — хмыкнул черноволосый Григорий Вишневецкий. — Кстати, здесь все грамотно построено, Михаил Андреевич. Первый отдел пашет, как трактор, сотрудники охраны исправно следуют инструкциям, до какого бы абсурда это не доходило. На первый взгляд все работает безукоризненно.

— Но где-то есть брешь, — возразил Кольцов. — И ее надо найти. Работа кропотливая, но кому сейчас легко? Мы же не хотели все сделать наскоком?

— Вообще-то, хотели, — вздохнул Москвин. — Но ладно, не вышло... Жутковато здесь, Михаил Андреевич. Посещали четвертую и шестую лаборатории? Лично мне предбанника

хватило. Шлюзы, герметичные двери, панели управления, как в космическом корабле. И персонал — вылитые космонавты. Боюсь представить, с чем они там работают...

— Укрепляют оборонную мощь страны, — усмехнулся Михаил. — Поменьше думайте, друзья мои. На сегодня достаточно. Завтра снова работаем с Первым отделом, изучаем личные дела сотрудников. В коллективе двести с лишним человек, но это не должно пугать. Нас интересуют люди, посвященные во все тонкости разработки и производства. Теоретики нам не интересны. Сотрудники, владеющие отрывочной информацией — тоже. Особое внимание — лабораторному корпусу. Обрисуем круг подозреваемых, начнем работать с каждым. Потребуется подкрепление — получим. Будем выяснять, как сотрудники проводят рабочее и свободное время. Как часто выезжают в область, ездят на рыбалку, за грибами и за ягодами. Совершаются ли походы в горы, и кто в них участвует. Где кончается закрытая зона? Мы этого пока не знаем. Каким образом выносятся из учреждения секретная информация? Надо подумать. Приветствую любые варианты, даже бредовые. Проглатывают капсулы, в которых спрятаны записки с формулами? Смешно, но почему нет? Сходил в туалет — и готово. Главное, не смыть раньше времени. Или память у кого-то фотографическая — посмотрел, запомнил, а дома извлек из головы в спокойной обстановке... Это навскидку. Уяс-

нили? Обрисуем круг, и работа побежит. Руководство «Оникса» обязано предоставлять нам сведения о сотрудниках, оказывать содействие. Попытка саботажа — немедленно докладывать мне. В конце концов, поимка злоумышленников — в их же интересах. Не думаю, что им нужны дополнительные неприятности.

— Их головы полетят в любом случае, — возразил Швец. — Если выявится утечка — точно полетят. А вот если наша работа закончится впустую — возможны варианты. Обвинят Комитет в работе с недостоверными источниками. Так что не стоит особо рассчитывать на содействие руководства, товарищ майор. И дело не в том, что они предатели, а в банальном страхе. В тюрьму никому не хочется.

— Может, и так, — допустил Кольцов. — Но оставим пустые разглагольствования. Главное, связаться, а там посмотрим.

В гостиницу он возвращался в одиночестве. Кончился дождь, выглянуло солнце, прежде чем уйти в закат. Вишневский и Москвин убыли в местный парк. «Людей посмотреть, товарищ майор», — объяснил Григорий. «Только себя не показывайте», — предупредил Михаил. Швец побежал в магазин радиодеталей — тот работал до семи. Хобби и прочие увлечения в неслужебное время не возбранялись.

Гостиница состояла из двух кирпично-бревенчатых строений и удобно размещалась у под-

ножия мощной скалы. Местность находилась на возвышении, чтобы попасть в гостиницу, пешие граждане поднимались по лестнице, автомобилисты двигались в объезд. Вишневецкий окрестил эту лестницу «Потемкинской», и основания на то имелись.

Гостиница не пустовала, в городке хватало приезжих. Вселялись два дня назад, вечером. Над горами плыли хмурые тучи, налетали порывы ветра. Здание гостиницы, стоящее особняком, навевало ассоциации с мрачной готикой. «Так вот ты какой, 101-й километр», — уныло произнес Вишневецкий, чем вызвал вялые смешки товарищей. Курортом действительно не пахло. Номера забронировали заранее. Только у Кольцова окна выходили на город. У остальных — на угрюмую скалу и мусорные баки. «Вдвойне замечательно, — окончательно скис Григорий. — Товарищ майор, давайте комнатами поменяемся?» — «Не положено, — отрубил Кольцов. — Вот станешь начальником, тогда посмотрим. Не время видами любоваться, работать нужно».

Товарищи в гостиницу не спешили — загуляли где-то. Лично Кольцов предпочитал работать с мыслями в горизонтальном положении.

За стойкой администрации никого не было. Из старенького приемника представитель братской негроидной расы Африк Симон пел свою нетленную «Хафанану». Песню затерли до дыр, она звучала из каждого пылесоса, создавалось ощущение, что у исполнителя только она одна.

Но людям нравилось, спрос формировал предложение.

В ресторане, примыкающем к холлу, тоже играла музыка — тягучий буржуазный рок. Счастливых с талонами кормили бесплатно — без особого, разумеется, радушия. Но сегодня девочка в переднике улыбнулась — клиент вызывал симпатию. Ресторан был — одно название, обычное второразрядное кафе. В интерьере — мозаичные плитки, линолеум. Но кормили сносно. «Вкус спесифический...» — сказал бы Аркадий Райкин. Пальчики не оближешь, но и ладно.

Насытившись, он словом и взглядом выразил благодарность, поднялся в номер на третьем этаже. У Швеца что-то брякало — видимо, радиодетали. Вишневский и Москвин еще не подтянулись.

В комнате было душно: первым делом майор распахнул балконную дверь. Ветер разметал шторы — пришлось закрыть, довольствоваться форточкой. Все вокруг — казенное, унылое: старая мебель, служащая десятилетиями (и еще прослужит столько же), трескучий паркет под ногами. На входной двери — инструкция, как вести себя в гостинице.

Про пожароопасный кипятильник там ничего не говорилось. Михаил опустил его в стакан, ткнул вилку в розетку. Чай в ресторане был всего лишь подкрашенной водичкой, хотелось большего. Закипела вода, он насыпал чай. Настя

снова набрала ему в дорогу кучу всего — и нужного, и ненужного. Содержимое чемодана переехало в шкаф, разлеглось по полкам. Таблетки, теплые и холодные носки, стопкой семейные трусы — прорывное достижение отечественной легкой промышленности.

Негромко бормотал телевизор: кончились всесоюзные новости, остроумно переругивались Авдотья Никитична и Вероника Маврикиевна. Дуэт Тонкова и Владимирова пользовался бешеным успехом, народ гоготал над ними, как подорванный.

Мысли о работе не выходили из головы. Стакан с чаем опустел, на дне осталась горка заварки. Михаил натянул кофту, вышел на балкон. Ветер выл в кронах деревьев, сыпал дождь. Осень разгонялась, настала ее пора. Городок раскинулся под ногами — во всей своей электрифицированной красе. Темнота уже сгустилась, блестели огни. Горы находились сзади, на запад простиралась равнина. «Оникс» находился где-то справа, за деревьями.

Михаил затушил окурок, вернулся в номер. Перед сном постоял под душем — вода текла практически горячая. Телефон отсутствовал — гостиница не относилась к ведомственным, здесь проживали все подряд. Это был серьезный минус. Настя в последнее время становилась какой-то молчаливой, далекой. Жизненный опыт подсказывал: женское молчание должно настораживать. Долгое молчание — пугать.

С ней что-то происходило, и, возможно, это было связано с его участвовавшими командировками. «Скоро Валюша вырастет, — однажды намекнула Настя. — А с папой до сих пор общается только по фотографиям. Берет их к себе в комнату и разговаривает с ними, как с живым отцом. Это несколько беспокоит, знаешь ли. И Галка на работе постоянно спрашивает: я что, уже разве-лась?»

Дело двигалось к чему-то нехорошему, и не было возможности этот процесс остановить. С телефоном под боком было спокойнее. Москвин напомнил о майской командировке в Н-ск. Образ преступницы до сих пор стоял перед глазами. Стыдно было за минутную слабость, чуть не поддался чарам — вовремя опомнился, проявил «минутную твердость». Суд приговорил шпионку к серьезному сроку — невзирая на маму, ребенка и положительные характеристики с работы. Дела о шпионаже долго не рассматривали, и приговоры выносились суровые.

Перед сном он полистал журнал «Знамя» с «Рукописью Ченселора» Роберта Ладлэма. Удивительно, что ее решили опубликовать. Впрочем, в романе не было ничего крамольного. Герой-одиночка противостоял всей мощи американских спецслужб и выходил победителем, чего в жизни, разумеется, быть не могло (и вряд ли кто-то пробовал). Даже занятно. Читалось с интересом, невзирая на уйму нестыковок и откровенных ляпов.

Но сегодня чтение не шло. Осилил пару страниц и закрыл журнал. В жизни шпионские страсти отличались от литературных. Снова покурил, потом долго ворочался, думал. В ситуации с «Ониксом» что-то упускалось, в цепочке не хватало важного звена, и он злился, что не может его найти. Озарение не приходило, поэтому предстояла кропотливая рутинная работа...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Утро было серым, слякотным. Дождь то моросил, то прекращался. Снова ветер гонял по парку листья и обломки веток. Ворчала дворничиха, сгребая в кучу «отходы природы», и на это можно было смотреть бесконечно.

Снова бубнил под нос поднадоевший Кобылин, путался под ногами «яйцеобразный» начальник Первого отдела Соловейчик. Ответственные лица чувствовали, что сгущаются тучи над головами, и чем бы ни закончилась проверка, ничего хорошего уже не будет. Директор заведения Каширин убыл в срочную командировку на Дальний Восток, задерживать его оснований не было. Только Арепьев вел себя достойно и сдержанно, хотя напряжение в человеке чувствовалось.

К одиннадцати утра на столе у Кольцова выросла стопка личных дел. Он смотрел на нее с растущим раздражением, испытывая сильное

желание поднести к бумагам зажженную спичку. Подошел Вишневецкий, оценил взглядом высоту стопки, что-то мысленно подсчитал и вынес заключение:

— Тоска, поручик...

— А ты как хотел? — огрызнулся Михаил. — Бегать с пистолетом любой дурак может. Зови народ, разбирайтесь. А я Арепьева помучаю, пусть выдает словесные характеристики своим работникам.

Расследование явно уходило в сторону. Вроде все стандартно, но что-то было не так. Возможно, в заведении и завелся «крот» (даже наверняка), но дело было не только в «кроте». Озарение не спешило. Лица сотрудников института возникали перед глазами — какие-то постные, мучнистые, до предела серьезные. Так позируют фотографу для официальных документов.

Баклицкий Федор Геннадьевич, кандидат биологических наук, заведующий четвертой лабораторией. Денисова Ольга Дмитриевна — его заместитель, большой специалист в молекулярной биологии, хотя по возрасту не скажешь. С такими внешними данными только наукой заниматься, больше нечем, счастья в личной жизни точно не обретешь...

Желчь подступала к горлу, майор злился — чувствовал, что проку от этих познаний не будет. 24 человека — цвет и гордость отечественной микробиологии. Талант на таланте, половина — члены партии, четверо — кандидаты,